

АЛЕКСАНДР ТАМОНИКОВ

Здесь кричат
даже мертвые

РАЗВЕДКА

41 ГО

СВИНЦОВЫЕ СУМЕРКИ

Фронтальная разведка 41-го. Боевая проза Тамоникова

Александр Тамоников

Свинцовые сумерки

«ЭКСМО»

2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Тамоников А. А.

Свинцовые сумерки / А. А. Тамоников — «Эксмо»,
2023 — (Фронтовая разведка 41-го. Боевая проза Тамоникова)

ISBN 978-5-04-193541-2

Боевые романы о ежедневном подвиге советских фронтовых разведчиков. Поединок силы и духа, когда до переднего края врага всего несколько шагов. Подробности жестоких боев, о которых не рассказывают даже ветераны – участники тех событий. Немцы готовят план ликвидации Курского выступа – стратегически опасного плацдарма для вермахта. Чтобы получить достоверные данные о действиях гитлеровцев, советское командование забрасывает во вражеский тыл группу разведчиков капитана Глеба Шубина. Бойцам удастся выяснить, какие части и в каком количестве противостоят Красной Армии на этом участке. Но на обратном пути группа попадает в засаду. Понимая, что полученные сведения должны быть доставлены в штаб любой ценой, Шубин решается на смертельный прорыв... Общий тираж книг автора – более 10 миллионов экземпляров.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-193541-2

© Тамоников А. А., 2023
© Эксмо, 2023

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	17
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Александр Александрович Тамоников

Свинцовые сумерки

© Тамоников А.А., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Глава 1

Капитан военной разведки Глеб Шубин замер от неожиданности на пороге домика. Он только прибыл в штаб 6-й армии вместе с остальным пополнением из тыла и был удивлен раздавшимся со всех сторон радостным восклицаниям. Молодой человек прижал ладонь к козырьку фуражки и отчеканил:

– Капитан Шубин, прибыл во 2-ю часть 12-й дивизии 6-й армии...

Его тут же обняла за плечи чья-то рука, в ухо гаркнул веселый голос:

– Ошибаешься, капитан, прибыл ты в 6-ю гвардейскую Краснознаменную армию! Вот! – перед глазами мелькнул желтоватый лист депеши с серыми буквами приказа.

Он успел цепким взглядом выхватить главные слова «Сформировать... Главкомандующий Ставки...» и, набрав побольше воздуха в легкие, сказал:

– Поздравляю, товарищи! Рад буду служить вместе с вами!

В ответ одобрительно загудели веселые голоса:

– Вот это по-нашему, по-офицерски!

– Бравый вояка прибыл! Ну-ка, давай, за гвардейскую прими!

Перед лицом в сизом от пыхтящих самокруток и папирос дыму мелькнула облупленная металлическая кружка с прозрачной жидкостью – фронтовые сто грамм. Глеб задержал дыхание, пока жидкий огонь прокатывался по горлу, и выдохнул, когда тепло разлилось в груди:

– За Родину! За победу!

В ответ ему вторили крики «Ура! За Победу!». Вокруг смеялись, говорили, поздравляли друг друга офицеры, служащие штаба, командиры подразделений – небольшая комната была полна народа в гимнастерках, с кружками и походными фляжками в руках. Люди шумели, обнимались, угощали друг друга, звонко чокались металлическими боками посуды, отмечая почетное звание. В Красной армии ведь «гвардейская» означает, что военная часть является образцово-показательной и особое звание получила за мужество, героизм и воинское мастерство, проявленное в сражениях с врагом.

В открытые окна лился потоком аромат сирени, которая белела пышной пенной волной вокруг уцелевшего здания сельского клуба, добавляя маленькому празднику мирные нотки. Деревенские мальчишки облепили крошечное крыльцо и пристенки клуба, пытаясь по звукам определить, что за торжество проходит у военных, которые расположились в их поселке. Улыбки, радость переполняли грудь от ощущения близкой мирной жизни. Казалось, вот-вот будет победа, осталось совсем немного, еще чуть-чуть, и враг освободит многострадальную советскую землю. Под Сталинградом Красная армия разгромила гитлеровские войска, заставила остановить свое кровавое наступление, развернуться и бежать прочь с огромными потерями. И это переломило ход сражений, дало ощущение уверенности, что они смогут защитить свою Родину. Теперь Советский Союз километр за километром возвращал себе захваченную врагом землю, отвоевывал, вырывал из лап фашистов каждый город, деревню, село. Приятная мысль о скорой победе кружила голову сильнее, чем глоток фронтового спирта или пряный запах цветущей сирени.

Глеб Шубин втянул во всю мощь легких густой аромат сирени, протянул руку и сорвал за окном ветку в мелких нежных лепестках. Пальцы ловко воткнули гибкий стебелек в тугой узел черных кудрей стоящей рядом радистки. Та в ответ на хулиганскую выходку только тепло улыбнулась и приладила неожиданный подарок в глубину черных волос. Они снова обменялись теплыми улыбками без единого слова, отчего у мужчины защемило в груди – как же он счастлив сейчас, живой молодой человек, а не опытный капитан фронтовой разведки, который повидал много за три года войны.

На спину в пыльной после дороги гимнастерке легла вдруг тяжелая рука, низкий бас прогудел прямо в ухо:

– Капитан Шубин, генерал Ростов. Твой командир, поздравляю с прибытием.

Глеб, мгновенно вернувшись в реальность прифронтовой территории, сунул руку в нагрудный карман за документами:

– Товарищ генерал, вот документы. Извините, только зашел, а тут праздник. Потерял бдительность.

Генерал-майор Николай Ростов, высокий мужчина с острыми стрелками усов над узкой верхней губой, лишь кивнул в ответ. Болтать он не привык, военная специальность приучила его чаще молчать и приглядываться к собеседнику, высматривая в чужих жестах, манере разговора характер и помыслы нового подчиненного. Коротким движением головы Ростов позвал капитана за собой, подальше от веселой компании в штабе части. Они прошагали за дом, и деревенские ребяташки, увидев их, словно воробьи, рассыпались в разные стороны. Военные свернули по утоптанной дорожке между уцелевших изб, потом спустились вниз по склону и оказались у большого деревянного строения, которое раньше служило огромным хранилищем колхозного урожая. Сейчас здесь висело грязно-белое полотнище с красным крестом – санитарный пункт военной части, расположившийся внутри и вокруг хранилища. Рядом с дверью стояли ведра с водой, лежал ворох окровавленных перевязок, приготовленных к стирке. Здесь не было слышно смеха, радостных поздравлений. Было тихо и мрачно.

Перед тем как толкнуть дощатую дверь, Ростов наконец внимательно посмотрел в уставшее запыленное после дороги лицо разведчика:

– Капитан, времени на объяснения нет. Сейчас сам поймешь, почему так говорю. Внимательно слушай и запоминай.

Он шагнул в глубину полумрака, осторожно придерживая дверь, за ним проследовал Глеб, всматриваясь в белые пятна вокруг. Когда глаза привыкли к темноте, он увидел, что в хранилище лежат люди – раненые полевого госпиталя. Они лежали на самодельных лежанках из досок, кучах старой соломы и были укрыты одеялами или простынями. На некоторых полотнищах проступили кровавые разводы от страшных ран, но никто не стонал и не кричал. Изувеченные бойцы терпеливо лежали, сжимая зубы, чтобы вынести терзающую раны боль. Санитарка в застиранном переднике метнулась к генералу Ростову:

– Быстрее, быстрее же, плоха она совсем.

Командир молча кивнул и в три быстрых шага оказался в углу, где под гимнастеркой в багровых пятнах лежала девушка. Черные волосы скатались в колтуны с кусками сухой травы и грязи, бледное личико запрокинулось, даже под толстым сукном было видно, как ее маленькое тело ходит ходуном от тяжелой лихорадки. При звуке шагов больная открыла блестящие черные глаза. Глеб вдруг с ужасом понял, что перед ним совсем ребенок, девочка лет тринадцати. Генерал с нежностью провел по волосам девочки и поправил сползающую накидку:

– Варя, я – Николай Ростов, командир разведподразделения. Со мной разведчик, капитан Шубин. Врач передал мне, что ты хочешь что-то рассказать.

Сухие губы прошептали еле слышно, так что мужчинам пришлось наклониться почти к самому рту Вари:

– Сбежала я, сбежала из Ивни, где у фашистов штаб. Они меня посудомойкой взяли при столовой, год на них работала, сестренки и мать кормить надо было. Я по-немецки понимаю, мама научила по учебникам. Они промеж собой разговаривали про «Цитадель», готовится операция. Так ее называют фрицы – «Цитадель». Рубежи строят, дайте карандаш, я нарисую план.

Ростов щелкнул планшетом, зашуршал бумагой. Девочка на секунду прикрыла глаза, чтобы передохнуть. Ее грязные пальчики в ссадинах и коростах вдруг нащупали крепкую ладонь Шубина, она с трудом прохрипела:

– Маму я бросила и сестренку, неделю шла по лесам. К нашим выходила. Мама меня отправила, она сказала, что важно это. Про цитадель. Нельзя немцам дать обратно развернуться.

По горячей коже, тяжелому свисту в груди после каждого слова Глеб понял: у девочки воспаление легких, ее хрупкое тело сейчас мучает страшная ломота и лихорадка, выкручивая кости, затемняя сознание. И все же она через силу говорит, тратя последние капли жизни на важную информацию:

– Я долго шла через лес, днем пряталась, а ночью шла. Самолеты бомбили, и мне железка вот сюда прямо в бок попала, – на глазах у нее выступили слезы. – Больно так, как горячим углем прижигает. Быстрее карандаш давайте, помру я, наверное. Нарисую, что видела.

В пальцы девочки лег химический огрызок, Шубин подхватил планшет и пристроил на нем лист:

– Давай, Варя, ты говори, я буду помогать рисовать.

С трудом появилась первая линия, потом вторая. Девочка выдохнула:

– Это в документах было у немцев, я посуду, когда собирала, успела рассмотреть. Возле Ивни строят укрепления, аэродром между Белой и Ракитным. – На белых губах выступила кровавая пена, но девочка продолжала говорить, вцепившись изо всех сил в карандаш. – Тут вот ящики какие-то сложили, мы ночью с мамой сходили прочитали надписи – это тротил. Немцы хотят идти на Курск. Это точно, я всю неделю слушала их разговоры, они при мне не боялись говорить. Думали, дурочка деревенская.

По лбу покатались крупные капли пота, каждое слово давалось Варе все с большим трудом, она на глазах теряла силы. Ростов бросился в соседнюю комнатку, где гремели инструменты и звучали короткие отрывистые приказы врача. Он схватил за плечо хирурга в окровавленном переднике:

– Доктор, девочке, которую в лесу нашли караульные, помогите ей. Ей совсем худо, надо спасти. Что надо – сахар, еды, хлеба? Как ей помочь? Нельзя ей умирать, она же линию фронта перешла, она – важный источник информации о германской операции. Помогите ей!

Врач покачал головой, глаза под очками стали печальными. Он тихо объяснил:

– Поздно, воспаление слишком сильное. Никакие лекарства не помогают, операция тоже не спасет. У нее серьезное ранение легкого, рана инфицировалась, пока она шла через лес. К сожалению, никаких шансов выжить. Мы больше ничем ей помочь не можем.

Когда Ростов шагнул обратно к кровати Вари, Глеб сжимал маленькую ладошку и кивал. По лицу его текли непрошенные горькие слезы от того, что Варвара уже почти в забытьи повторяла одну и ту же просьбу:

– Маме помогите, сестренкам. Помогите. Освободите от немцев дом мой, прогоните фашистов.

Багровые пузырьки закипали в уголках рта, от каждого произнесенного слова девочка захлебывалась собственной кровью и все же продолжала умолять, не отрывая черных огромных глаз от лица разведчика:

– Помогите им, освободите нас от фашистов. Прогоните немцев, обещаете?

– Я обещаю, милая, обещаю. Ты такая молодец, ты смелая. Ты нам очень помогла. Я обещаю, маме твоей расскажу про твой подвиг, всем расскажу. Я... все сделаю, освободим, мы поганой метлой их выметим.

Варя мелко задрожала, выгнулась от жгучей невыносимой боли, рвущей ее изнутри, и вдруг обмякла. Тонкие руки вытянулись вдоль тела, лицо разгладилось от гримасы боли, широко распахнутые глаза застыли, глядя в одну точку. Смерть забрала молодую жизнь.

Шубин медленно, словно во сне, собрал планшет, лист со схемой и карандаш. Сбоку промелькнула жилистая женская рука, она сноровисто прикрыла веки умершей девочки:

– Ну все, отмучилась бедняжка. Варюша так вас ждала, повторяла без конца, чтобы разведчиков позвали. Ноги в кровь стерла, по лесам шла до нас. – Санитарка, прощаясь с девочкой, погладила черные пряди и, приподняв полу шинели, прикрыла навсегда окаменевшее личико.

Генерал Ростов, тяжело ступая, вышел из госпиталя, прошел несколько метров и остановился. Рядом в молчании замер капитан. Они оба смотрели на приоткрытое окно стоящего на взгорье клуба, где все так же мелькали радостные лица, звенели голоса. Вот промелькнули черные волны волос с белым пятном сирени, только перед глазами Глеба стояли черные прядки Вари, которые грязными сосульками, мокрые от убившей ее лихорадки разметались по гнилой соломе в темном сарае. Генерал вдруг резко развернулся к Шубину и положил ему руку на плечо. Пальцы железной хваткой впились в мускулы под гимнастеркой:

– Я много о тебе слышал, капитан. От Уколова, Попова, твоих бывших командиров. Хвалят тебя все. Умеешь решать сложные задачи. Здесь, капитан, не просто задачка. Ты сам все видел – человеческие жизни на счету. Девочка погибла и еще сотни тысяч погибнут, если гитлеровская армия снова наберет силу и обратно вернется. Нельзя этого допустить. Нам уже поступали сведения, что немцы разрабатывают на Южном направлении операцию. Поэтому я затребовал тебя в армейскую разведку нашей части. Ты сам слышал, Варя подтвердила, что немцы от планов ликвидации Курского выступа перешли к действиям. У тебя задача повышенной сложности – разведка на территории врага. Собирай группу, переходите линию фронта и возвращайтесь с разведданными. Количество частей, техники, места расположения. Учитывай, что надо отразить не только наступление, а еще подготовить наше движение вперед. Гитлер строит сейчас промежуточные рубежи по линии отступления, используя тактику «выжженная земля». Мирное население – в могилу или в лагерь, все сооружения, дороги, станции, заводы – взрывает, топит, жжет. Поэтому важно узнать каждую деталь в немецком тылу. С помощью добытой информации командование фронта сможет организовать ответное наступление, мы ударим с воздуха, из зенитного орудия по названным разведкой координатам. Через три часа жду тебя с докладом и намеченным маршрутом по оккупированной местности. Ступай сейчас в избу, где раньше жил мельник, прямо по проулку и потом за клуб. Там тебя ждет парнишка, рядовой Воробьев. Побеседуй с ним, приглядишься, я планирую тебя отправить в разведку с этим парнем. Но решать только тебе, подойдет ли напарник или нет. Готов ты к такому, капитан Шубин?

Глеб стоял на протяжении его речи, не отрывая глаз от окна с радостными людьми, потом поднял тяжелый взгляд на генерала. Его больше не переполняла радость и ожидание скорой победы. Злость и ненависть, желание отомстить за замученную Варю, горячая клятва спасти ее родных жгли его изнутри. Шубин кивнул:

– Товарищ генерал, девочка сюда раненая и босая дошла через лес прямо через вражеские части. Значит, это возможно. Поэтому я тоже смогу выполнить задачу, обещаю вам, любыми силами и путями я добуду разведданные, и мы освободим нашу землю от фашистов, полностью разгромим их!

Глава 2

По дороге к дому мельника Шубина преследовали десятки взглядов, он, как настоящий разведчик, кожей чувствовал пристальное внимание со всех сторон: то скрипнет доска покосившегося от взрывов забора, то мелькнет вихрастая макушка между зеленью кустов, то шлепнет босая нога по отполированному камню за спиной. Свернув за клуб, он прошелся по проулку и растерянно остановился: вместо домов по сторонам тропинки торчали обугленные развалины – все, что осталось от крепких деревенских изб, которые в мирное время колхозники складывали из тесаных бревен и густой глины. Он обвел пожарище взглядом: и где тут ему искать дом мельника? Глеб достал из кармана кусок рафинада, бережно обернутый в затертую ткань:

– Эй, кто первый ответит меня к мельнику, тому достанется сахар!

Его преследователи мгновенно откликнулись на заманчивое предложение, десятки босых ног кинулись наперегонки к капитану, костлявые ладошки-ковшиki вытянулись к куску сахара:

– Я, я отведу, Минька в бане живет теперь, как деда осколком убило!

– Я наперед был, я покажу, дяденька разведчик!

Шубин в ответ удивленно протянул:

– А вы откуда знаете, что разведчик?

Шустрые пальчики уже схватили сахар и бережно начали распределять маленькими крошками в жадно раскрытые рты. Самая высокая девочка в безразмерном платье, подол которого мотался по дорожной пыли, видимо, была главной у деревенской ребятни. Деловито занимаясь справедливой дележкой угощения, она пояснила:

– Так мы не дураки же, хоть война, а в школу ходили к учительнице нашей, пока ее немцы не сожгли в сарае вместе с другими. У вас петлицы с серебряными звездочками, вы капитан военной разведки.

Шубин растерянно заморгал в ответ на довольный взгляд девочки, его детская осведомленность не обрадовала, даже огорчила. На вид ей всего лет десять, еще бы в куклы играть, а не разбираться в военных знаках различия. Он погладил голову с тугими косицами:

– Ты молодец, и правда много чего знаешь. Только я тебя прошу, не рассказывай об этом никому, ведь разведка – это всегда тайна, лишние разговоры ни к чему.

Его собеседница охотно кивнула:

– Я знаю, я и партизанам записки носила, от немцев всех ребят три дня на болоте прятала, а то бы нас тоже в сарае сожгли. Пойдемте, я вас к Миньке отведу.

– Мне к мельнику надо, можешь показать, где его дом? – попросил Шубин.

Девочка терпеливо объяснила непонятливому капитану:

– Ну я так и говорю, идемте до Миньки, он внук мельника Архипа. Мельника немцы повесили за то, что он отказался им муку молоть и жернова в подполе прятал. Дом сгорел, а банька осталась, вот Минька там и живет.

От ужаса волосы на голове разведчика зашевелились, по всему телу прошла дрожь. Красная армия отвоевывала территории Советского Союза, теперь они вытесняли немцев с оккупированных родных городов и деревень. И каждый раз Глеба охватывал ужас при столкновении со следами страшной войны: их встречали тысячи сирот, истощенные, живущие на подножном корме, в разрушенных домах, одетые в обноски дети, на чьих глазах были зверски замучены близкие люди. Опытный разведчик, выдавший немало за годы войны, никак не мог привыкнуть к такому кошмару, от которого ненависть к фашистам пульсировала яростным комком в груди. Не только военные гибли в этом сражении за Родину, Гитлер разрушил и уничтожил все живое на советской земле, от городов до жителей. Вот и сейчас даже дыхание перехватило, будто кто-то ударил ножом прямо в горло, хотя деревенские ребята этого чувства не заметили.

Они гурьбой окружили разведчика и повели в сторону деревянного остова, на ходу выкрикивая все, что скопилось внутри за долгие дни войны:

– Самонин Кондрат, папка мой, не видали его? Может, слышали про него, похоронки-то не было! Живой ведь, наверное, дядь?

– А вы фашистов убивали?!

– Когда война кончится?

Девочка шикнула на многоголосую толпу, и все затихли. У разбитого забора их уже ждал мальчик, крепкий, с белесыми бровями и россыпью конопушек. Сопровождающая солидно представила Шубина:

– Вот, Миня, гостя к тебе привели. Из штаба.

Тот с суровым видом кивнул в ответ:

– Здравствуйте. Проходите, товарищ ваш у меня.

Капитан шагнул за перекошенные во все стороны жерди околицы и последовал за мальчиком. Перед ним расплзлось черным огромным пятном пепелище: судя по огромному количеству черных досок, здесь раньше было много построек, в том числе мельница, чьи широкие лопасти теперь торчали над землей как крылья мертвой обугленной птицы. И тем не менее жизнь на сожженной земле по-прежнему продолжалась. Хозяйственный мальчишка стаскивал все более-менее пригодные для хозяйственных нужд дровашки, укладывая их в аккуратную поленницу возле крошечного сруба – бани в одно окно. На пороге строения Шубина уже ждал худой и ушастый парнишка с новехонькими погонами рядового пехоты. Он вздернул руку к пилотке:

– Товарищ капитан, рядовой второй пехотной роты Николай Воробьев прибыл по вашему приказанию. То есть мне сказали вас ждать, что вы прибудете, ну вот... я ожидаю. – Парень смутился, запутавшись в словах при виде военного разведчика, особой категории служащих в армии.

Рядом с высоким плечистым Шубиним Коля Воробьев почувствовал себя совсем еще неопытным бойцом, хотя и успел уже поучаствовать со своей ротой в нескольких наступлениях за те полгода, что служил в Красной армии.

– Вольно. – Разведчик крепко пожал парню руку и заговорил тише.

Он уже догадался, почему Ростов предложил этого парнишку в качестве напарника для опасного задания. Капитан покосился на их юного хозяина – Минька с грохотом возился по другую сторону пепелища, тюкая топориком по толстым обугленным доскам. Потом снова Шубин всмотрелся в лицо будущего разведчика – совсем еще гладкое, с едва заметным пушком, внимательный взгляд голубых глаз, пшеничные вихры торчат во все стороны из-под пилотки. Только руки крепкие, с широкими ладонями и тугими венами – руки труженика, деревенского жителя, а значит, он местный, вырос в этих краях и должен их знать отлично, как и всякий деревенский мальчишка. Поэтому Ростов и выбрал Воробьева в качестве проводящего для разведчика, к тому же мальчишка отличается смекалкой, ведь быстро и звание разобрал, и понимает, что не просто так они встретились у разрушенной мельницы.

Шубин присел на перевернутое ведро, ноги в сапогах гудели от долгой ходьбы по почти летней жаре. Воробьев застыл рядом, но старший по званию вдруг кивнул рядовому дружелюбно на припорок бани:

– Садись, Коля, успеешь настояться. Разговор долгий будет. Сразу скажу, я – капитан разведки, тебя командир моей части посоветовал для выполнения важного задания. Но, сам понимаешь, чтобы идти в разведку, нужно человека знать. Потому присаживайся и рассказывай о себе, как ты на фронт попал.

Воробьев осторожно опустился рядом, стянул с головы пилотку, вцепился в нее пальцами, чтобы унять дрожь от волнения. Голос его был сначала глухим, затем набрал силу, перестал спотыкаться. Хоть и рассказывал парнишка долго, но Шубин слушал внимательно, ему

было важно понять, насколько надежен молодой боец и можно ли его брать с собой за линию фронта для проведения опасной операции.

– Я отсюда попал в армию, добровольцем из партизанского отряда. Я здесь родился, вырос, всю жизнь прожил, сначала в Обояни жили, потом отец ушел в совхоз в Ракитном механизатором. Нам там дом выделили, мама телятницей устроилась работать. Я с сестрами в школу ходил в Ивне из нашего Ракитного. Через поле, по мосту через речку Псел – а там и наша школа родная. Когда немцы пришли в поселок, то нас, детей, туда и согнали, в нашу школу. Сначала на берегу всех взрослых, бабушку, маму, сестру старшую расстреляли. Мы смотрели, как расстреливают, как они умирают, падают, молча смотрели. Пришлось молчать. Кто начинал кричать, того тоже фрицы ставили спиной к яме и толкали вниз даже без выстрела, а сверху еще трупы дальше кидали. Я молчал, терпел, хоть так хотел кинуться и вцепиться в горло их старшему офицеру, но молчал, со мной еще три сестренки были младшие. Не мог я их бросить, нельзя было. Отец и дед в первое лето на фронте погибли, в одном танке сгорели. Их, как трактористов, на танк посадили, в один экипаж. Потом маму, бабушку, сестру на наших глазах фашисты расстреляли. Нельзя было бросать детей из школы, никак нельзя. Ведь старшим у них только я остался, больше никого не было. Я их за руки держал, отворачивал, чтобы не смотрели. А сам смотрел, во все глаза смотрел, но не на мертвых, а на немцев. Я лицо того офицера, что расстрелом командовал, запоминал, чтобы найти и отомстить за всю нашу семью. Потом всех детей из школы выгнали и посадили в грузовики. Вернее, мы стояли на ногах, до того там тесно было. Нас было так много, ужасно много, мы кричали, плакали, звали на помощь, кто еще мог. Но чаще всего молчали, сил не было уже ни на что. Я с трудом помню, что было дальше. Кажется, я потерял сознание от духоты или, может, мне плохо стало, нас ведь не кормили несколько суток и воды не давали. Я не помню уже этого, очнулся в общей могиле с трупами, немцы приняли меня за мертвого или решили, что я уже не жилец, поэтому скинули в яму на выезде из города с другими детьми, которые умерли в грузовике. Оттуда я выполз ночью и добрался до леса, несколько дней прятался на болоте, где меня нашли партизаны. Вот так оказался в лесном отряде. Мы всю войну составы взрывали, диверсии устраивали, убивали проклятых фрицев за то, что они меня семьи, дома, они всего лишили. Все время я того офицера высматривал, я всегда его буду искать, чтобы отомстить за мою семью. Для этого, как только граница фронта сдвинулась, перешел нейтральную полосу и добровольцем в пехоту пошел. Когда наши рассказали, что девчонка через лес пришла с оккупированной территории, я сам к командиру пришел и предложил с разведкой идти в расположение немецких войск. Я знаю, они так просто не уйдут, они готовят удар, товарищ Шубин! В партизанах навидался фрицев – наглые они, думают, что хозяева на нашей земле, ничего не боятся. Надо им в ответ врезать так, чтобы бежали прочь. Я помогу, я вас проведу куда надо, только скажите куда, к какому пункту. Все дороги знаю, лес знаю, стрелять умею, взрывать умею. Я все умею, товарищ капитан! Умоляю, возьмите меня на задание! Обещаю – не подведу! Я должен родную землю, поселок свой помочь освободить как можно быстрее. Ведь там мои друзья, соседи, сестренки могут быть живы и тоже в услужении жить. Я готов жизнь положить, ничего не боюсь, все сделаю что прикажете! Мне этот офицер каждую ночь снится, как он рукой машет, а солдаты стреляют и стреляют. Яма в гору превратилась от трупов, а они все стреляют под его приказы. Понимаете? Такое не забыть, не простить, я должен с вами пойти, все сделать, лишь бы фашистов проклятых разгромить!

Коля замолчал, глядя с немой мольбой на разведчика. Теперь Глеб внимательно рассматривал парнишку, только видел перед собой уже не юного солдата. Слишком глубокая складка легла у рта, слишком много боли застыло в голубых глазах. Коля Воробьев пережил столько горя, что мгновенно стал взрослым, с искореженной, больной душой, спрятанной под детской внешностью. Капитан смотрел на парня и понимал – он не подведет, костями ляжет,

а задание выполнит. Вместе они смогут собрать разведанные для дальнейшего планирования тактики армейских подразделений.

Шубин заглянул в глаза парнишке и спросил:

– Сколько тебе лет?

Тот покосился в сторону и бросил:

– Почти восемнадцать, через два месяца исполнится.

По взгляду вбок и напрягшимся в кулаки ладоням Глеб понял, что парень скрывает свой возраст, боится, что из-за малолетства не видать ему секретной операции. Капитан дружелюбно положил руку на плечо:

– Коля, ты парень хороший, надежный, не хочу, чтобы со лжи начинали мы с тобой. В разведку плечом к плечу только с надежным человеком можно идти, которому доверяешь больше, чем себе.

Колька вскинул на него глаза:

– Пятнадцать, шестнадцать почти, через два месяца, правда, мне шестнадцать исполнится. Не вру! Пришлось в распределителе накинуть пару лет, чтобы в ополченцы взяли, я на пайке солдатском отъелся. Могу отжаться сколько скажете! Докажу вам, что силы у меня есть.

Капитан в знак согласия кивнул – хоть в костер парнишка готов прыгать, лишь бы врагу мстить. Решительность в пехотной атаке хороша, а вот в бесшумном движении по лесу или когда необходимо охрану снять без единого звука, опасна. Вслух Глеб успокоил разгорячившегося мальчишку:

– Так, боец, в партизанах был, считай, разведчик почти, то же самое. В нашем деле главное – язык на замке держать, все замечать и головой думать над каждым шагом. Смелость – это хорошо, только командир от нас ждет спланированной операции на территории противника, а не пробежки по немецким укреплениям. Смотри, – он достал из планшета карту и вручил Воробьеву, – это карта местности. Я предлагаю так поступить: ты наметь сейчас схематично через линию фронта варианты проходов к следующим пунктам – Ракитное, Белая, Ивня. Надо понять, где проще перейти нейтральную полосу и углубиться на оккупированную территорию, прямо в тыл к врагу. Времени для пробных вылазок у нас нет, надо действовать решительно и быстро. Есть сведения, что немцы готовят срочное наступление, стягивают силы и сооружают новые узлы обороны. Их надо опередить, добыть данные, чтобы наши воздушные силы могли нанести удар и разрушить германскую оборону. Выбирай несколько маршрутов туда, несколько обратно. Нам не только надо проникнуть в тыл врага, но и еще вернуться с добытыми разведанными, а для этого нужно провести подробную картографию местности. От передовой через укрепления фашистов пройти три населенных пункта, если понадобится, то и дальше от оборонительных рубежей углубиться в тылы, пока не поймем, сколько и где расположено техники и личного состава. Даю час времени на выполнение задачи, а я пока получу удовольствие. Без еды голова плохо работает. Ты ел сегодня?

Воробьев покрутил головой и покосился на Миньку, громяющего ведром на очередной пепельной куче. Под строгим взглядом командира признался:

– Я весь паек ребятишкам раздал. Они лебеду едят, товарищ капитан, запасов нет никаких. Да и малые совсем, не умеют еще кухарничать.

Шубин вздохнул, глядя на тонкую шею Коли, его бы самого сначала откормить. Как преодолеет парнишка десятки километров? И не просто пойдет гуляючи, а где бегом, где по-пластунски на брюхе надо добираться до укрытия. Но в глазах у юного солдата было что-то такое, отчего понимал опытный разведчик – придет и не скажет ни словечка жалобного, такая в хрупком теле сила духа.

Оставив нового подчиненного наедине с картой, Глеб зашагал обратно, на ходу обдумывая детали предстоящей вылазки. Снаряжение – гранаты, фонари, сухой паек на двое суток, бинокль, плащ-палатка на случай, если операция затянется и придется провести ночь в лесу.

Оружие бы покомпактнее, с винтовкой, которой сейчас вооружен красноармеец, точно не в разведку идти. Трехлинейка хороша в дальнем бою, прицел дает точный, пули летят по нужной траектории, можно потом штыком добить противника в рукопашной схватке. А вот для разведки оружие слишком тяжелое и громоздкое. Когда пробираешься лесными тропами или надо быстро снять часовых, то пригодится маузер или хороший наточенный нож, чтобы без единого звука прорваться через охрану немецких узлов обороны.

– Шубин! Глеб! – кто-то окликнул его сзади, и сразу же разведчик попал в крепкие объятия.

За плечи его держал сержант Авдей Злобин, который еще во время первых вылазок Шубина в тыл врага работал в штабе на должности переводчика. Глеб отлично помнил сержанта, тот несколько раз участвовал в допросах языка, переводя путаные речи пленного офицера. Он тогда приглянулся разведчику своей открытостью, добродушием и совсем не соответствовал своей фамилии: угощал махоркой, чайной россыпью, сушками, показывал фотографию крошечных девочек-близняшек, что родились в далеком Ленинграде за пару месяцев до его призыва. Не стеснясь мужской компании, касался губами чернильных отпечатков маленьких пальчиков на желтом листке письма от жены. И мечтал вслух: «Закончится война, я отведу своих девчонок в зоопарк, а потом покатаю по заливу на лодке. Сказки на ночь им буду читать на английском, вырастут, тоже в иняз пойдут учиться, будут, как отец, переводчицами. Мальчишку еще надо нам, а лучше троих! У меня жена ребятишек любит, она – воспитательница в детском саду». От его мечтаний вслух о мирной обычной жизни суровая война, казалось, неожиданно отодвигалась куда-то далеко, на несколько секунд у военных теплело в груди от мыслей о родном доме и семье, будто вот-вот и вернуться они назад к мирной жизни.

Но армия Гитлера наступала, бои шли каждый день, в той кровавой круговерти Глеб потерял связь с мечтательным переводчиком. И вдруг такая неожиданная встреча, которая и Авдея Злобина обрадовала донельзя – все же удача встретить однополчанина посреди страшной войны! Шубин тепло поздоровался и обнялся с приятелем, удивленно посматривая на изменившегося однокашника. Вместо пухловатого улыбчивого молодого мужчины перед ним стояла тень прежнего Злобина: худой, с полностью седой головой, осунувшимся лицом с огромным шрамом через всю щеку.

Сержант вдруг прищурился:

– Так, товарищ капитан разведки, если ты здесь, то значит, фашисты что-то задумали, готовят серьезный ход. Разведка просто так на линии фронта не объявляется, – и вдруг горячо сжал руку, глаза его налились решительностью. – Глеб, включи меня в разведгруппу. Ты же знаешь, я немецким владею, карты знаю, радистом могу быть, шифровальное дело освоил.

Сержант потянул Шубина за рукав подальше от здания штаба, рядом с которым сновали люди. Строились новоприбывшие, каптенармус с одной рукой в перевязке суетился у мешков, которые разгружали из рыкающего «зилка». Авдей, казалось, ничего не замечал, он, уставившись в одну точку, заговорил:

– Беда у меня, Глеб. Ранение получил, меня в госпиталь отправили, потом в тыл на восстановление, потом обратно. Со всеми этими перевозками, переездами письмо меня не могло найти. Страшное письмо. – Злобин достал из портсигара самокрутку и, прикурив, жадно вдохнул густой дым. – В тыл с фронта похоронки приходят, а мне из тыла прислали. Погибла жена и доченьки мои, разбомбили немцы состав с ними, который в эвакуацию их вез. Я как прочитал, так тоже умер, вроде живой, а внутри мертвый. Не хочу жить, Глеб, вернее, не хотел. Думал, на передовую попроситься из штаба, не берут с ранением, уже планы строил, как в штрафбат загреметь, чтобы или я фашистов, или они меня. Как вдруг тебя встретил. И сразу понял – вот, вот как я могу пользу принести! Глеб, возьми меня к себе в группу, стрелок из меня плохой, а вот разведчик выйдет хороший. Немецкий знаю, если возьмем языка, то сразу сможем допросить, в штаб тащить не придется.

Шубин с сомнением покачал головой, такой напарник был бы идеальным, но вот отпустит ли Ростов Злобина с ним в опасную вылазку, ведь переводчиков в штабе всегда не хватает – редкая специальность. Он предложил сержанту:

– Вот что, давай напиши рапорт, я тебя с собой взять готов. Только отдашь его генералу Ростову вечером, когда я с докладом к нему приду. Сейчас составляем маршрут проникновения в немецкий тыл, план действий и сроки выполнения поставленной задачи. Если командир даст добро, то ты пойдешь с нами. Я пока получу амуницию и харчи, в восемнадцать ноль-ноль встречаемся здесь у штаба.

Злобин пронзил капитана тяжелым взглядом:

– Я не подведу, капитан, так и знай. Ты мне сейчас помог понять, как мне дальше жить. Как принести пользу Родине и людям, а не штаны в штабе протирать.

Они снова пожали друг другу руки в знак договоренности, и Глеб поспешил дальше по своим делам. День его ждал тяжелый – хоть и снабжалась передовая часть в первую очередь, и все же получить все необходимое для разведывательной операции оказалось не просто. Он ходил с запиской от генерала Ростова из штаба к коменданту, оттуда к каптенармусу, потом в оружейку, получал запасы, боеприпасы и складывал их в вещмешок. Затем на площадке рядом со штабом Шубин встал в очередь к огромному котлу на телеге, привезенной понурой лошадью. Неожиданно толпа в гимнастерках расступилась перед генералом, который подтолкнул разведчика вперед:

– Ну-ка плесните погуще капитану.

Шубин в смущении протянул котелок, генерал кивнул повару:

– До краев, он на двоих получает паек, – и подхватил половину ржаной ковриги.

От полевой кухни они уже шагали вместе, генерал сразу заговорил о деле:

– Амуницию получил, всего хватило?

– Так точно, товарищ командир. – Шубин косился на идущего рядом генерала, который почему-то не стал ждать его доклада в штабе о намеченных этапах операции, а сам лично пришел переговорить с глазу на глаз.

– Как тебе Воробьев? У парня, кстати, медаль за мужество, в атаку поднял роту после гибели командира и свой квадрат у немцев отбил. Хоть и мальчишка совсем, но дух у него офицерский.

Шубин кивнул в ответ, радуясь тому, что его выводы оказались правильными:

– Согласен, в группу разведчиков Воробьев – отличная кандидатура. Еще просьба есть: у вас переводчик в штабе служит, Злобин Авдей. Старинный мой товарищ, он тоже готов участвовать в операции. Вылазка долгая, обратно тащить информатора будет сложно. Если сержант пойдет с нами, то сразу после допроса в расход немца можно пустить, чтобы налегке возвращаться.

Командир согласился:

– Так проще будет, да и не протащите вы офицера через три заставы, по речному рукаву все населенные пункты немцы сейчас плотно обложили, если и правда готовится операция «Цитадель». Не зря ее немцы так назвали, раз возводят новые укрепления. Это верная информация, что строительство идет полным ходом. Варя подтвердила сведения из других источников. Ты знаешь, что обозначает слово «цитадель»?

Глеб нахмурил лоб:

– Так называют ядро укрепления в населенном пункте – замок, район, который может сопротивляться, даже если остальная территория захвачена.

– Верно. – Генерал остановился на подходе к пепелищу мельницы. – Немцы хотят соорудить неприступную крепость, участок обороны, который сожрет все наши силы в череде атак. Они хотят новый Сталинград, который выиграют они. Ты же понимаешь, что мы не должны такого допустить? Поэтому, капитан, это не просто разведка, это будущее 6-й гвардейской

армии. Даже если мы возьмем эту крепость, то потеряем сотни тысяч личного состава в полях. А вот с разведанными сможем опередить немцев, не дать Гитлеру собрать силу в железный кулак. И это от тебя зависит и от твоей группы. Так что ты выбирай, кого считаешь нужным, Злобина я тебе откомандирую. Я вижу, что с сержантом происходит после гибели жены и детей. Он ищет смерти, на передовую просится. Осторожно здесь действуй, присматривай за ним. Разведчику нужна смелость, чтобы попасть в тыл к врагу, а потом желание жить, чтобы вернуться обратно. Я тебе доверяю, чутью твоему, поэтому приказ можешь выполнять без доклада. Отдохнешь, подкрепишься, и после наступления темноты выдвигайтесь, Злобина пришло. Двое суток у тебя, капитан. Если не вернетесь через это время, то значит... – командир замедлил движение, прежде чем произнести страшные слова, – геройская смерть или плен. Ждать вас буду, верю, что выполнишь задачу. – Казалось, цепкий взгляд генерала проник разведчику в душу. – Добудешь сведения и вернешься.

Высокая фигура развернулась на дороге и зашагала обратно к штабу, чуть заваливаясь на бок от гранатного осколка, который грыз ступню под ботинком. А Шубин поспешил к своему временному пристанищу – перекошенной баньке мельника, где за столом над картой корпел уже несколько часов рядовой Воробьев.

Глава 3

При появлении Шубина с полным котелком наваристых щей парнишка сглотнул набравшую слюну, желудок так и поджимало из-за вынужденного голода в течение двух суток. Все довольствие он отдавал до последней крошки местным оголодавшим ребятишкам. Правда, сегодня командир строго приказал:

– Рядовой Воробьев, приказываю приступить к обеду.

Густой аромат притянул и маленького хозяина сгоревшей мельницы, вихрастый Минька деловито загромыхал добытыми дровами, стараясь не смотреть на горячее варево и коричневый полукруг хлеба с румяной корочкой. Шубин окликнул мальчика:

– Михаил, а ты чего там мнешься у порога, айда за стол. На тебя порция тоже выдана. Раз у тебя на поселенье отряд, то и довольствие на тебя распространяется.

Минька, еле сдерживая радость, степенно кивнул и вытащил из-за печки соль в тряпице, глиняную плошку с отколотым краем и алюминиевую ложку, которую жар прошедшего пожара свернул в замысловатую загогулину – вот и все его немудреное хозяйство.

Несколько минут в маленьком помещении только гремели ложки, хрустела хлебная корка. Наконец тарелки опустели, остаток объединенного ломтя Шубин вручил осоловевшему от еды Миньке:

– Михаил, можешь посуду помыть. Уж так по уставу положено, младший по званию дежурит.

Мальчишка снова кивнул:

– С золой сейчас до блеска отмою, как зеркало будет. – Он собрал все ложки и чашки, прихватил тряпку и ушел бороться за чистоту.

А разведчики уселись над картой с намеченными схемами проходов через линию фронта. Воробьев принялся поспешно объяснять маршруты, которые он обозначил карандашом:

– Ближе всего Ивня, потом Ракитное, а дальше по рукаву реки расположена деревня Белая. В Ивне, скорее всего, много охраны, так как деревня ближе всего к границе фронтов, пункт – передняя линия обороны немцев. Немцы постарались выстроить цепь из дотов или бронированных колпаков. Мы там уже в атаку поднимались, но почти сразу свернули наступление. На передней линии огневые точки все поля насквозь простреливают, а периметр вдоль леса заминирован. Очень опасно прорываться на этом рубеже. Нам ведь надо в глубину уйти, поэтому предлагаю соорудить плотик и спуститься вниз по течению, рядом с мостами и переправами будем выходить на берег и идти пешком. Плот небольшой, сможем протащить на себе пару километров. Вот здесь на нейтралке есть затопленное русло старой реки, местность овражистая, спустимся вниз и по течению приплывем к старому мосту у Ракитного. А дальше по берегу небольшая группа сможет легко по низинам пробраться мимо охраны в тыловую часть.

Еще один маршрут через леса на юге Ивни, там все тропы заминированы, чтобы партизан из леса не выпускать. Я умею детонировать взрыватели, только это долго, вся ночь уйдет, чтобы в глубину леса попасть. Мы вдвоем с вами будем?

Шубин покачал головой:

– Нет, еще сержант Злобин. Но он по части перевода, немецким владеет. Разминированием он не занимается.

Капитан ткнул пальцем в голубую линию реки на карте:

– Вот это место мне нравится, где ты предлагаешь на плоту спуститься. Перепады и резкие высоты, в складках рельефа будет удобно скрываться. Немцы вряд ли обустроили здесь огневые точки – они не любят низинки, почва осыпается и под огневую точку толком не открыться. Сплавимся по реке на бревнах, надо только добыть хорошую веревку. А возле Ракитного начнем разведывательные действия. В трех километрах от нас нейтральная полоса, там

можно начать сплав, спуститься на воду между двумя рядами холмов, в темноте нас в оврагах не увидят. Как быстро доберемся по реке до Ракитного?

Воробьев кивнул, задумался, производя в голове расчеты, только ответить подробно не успел. Дверь в баньку распахнулась, и в проеме возникла тонкая фигура с вещмешком на плечах – Злобин явился для выполнения важной задачи под командованием капитана. Он тяжело опустился на чурку рядом с разведчиками:

– Прибыл по вашему приказанию, капитан Шубин. Командуй, когда и куда выдвигаемся. Они снова принялись обсуждать план действий, теперь уже втроем.

На их рассуждения, в каком месте удобнее было бы перейти нейтральную полосу, Злобин здраво возразил:

– Если все-таки там у немцев будет огневой рубеж? Ведь рядом переправа, хоть и небольшая, но все же немцы могут выставить парочку постовых. Вот здесь, где устье оврага, наверняка патруль или окоп, ну или автоматчик стоит.

Коля предложил:

– Так давайте по дну пройдем, там течение небольшое и глубина чуть выше колена. Сейчас ведь тепло, легко можно пройти, плот сможем протащить по воде за веревку.

Разведчики переглянулись: сообразительный паренек, найдет решение вперед всех. Воробьев же виду не подал, хотя и приятно ему было молчаливое одобрение старших товарищей. За несколько лет в партизанском отряде он привык продумывать каждый шаг. Лесным воинам не один раз приходилось уходить от немецких патрулей по реке, прятаться в болотах или часами лежать в овражных перепадах.

Карандаш в пальцах Шубина перепрыгнул к точке возле Ракитного:

– Здесь будет наш первый рубеж, прибыть и закончить наблюдение необходимо к шести утра, когда начнется рассвет. Если поймем, что основные силы расположились дальше на юг, то день пережидаем в укромном месте, а потом выдвигаемся в сторону деревни Белой. Если информация о расположении немцев будет собрана, то ночью возвращаемся под Ивню. Надо как можно ближе подобраться к линии фронта. Днем также пережидаем, а по темноте через нейтралку возвращаемся к своим. Генерал Ростов дал нам двое суток, чтобы выполнить сложную задачу. Тяжело, конечно, но возможно. Вот такой план, товарищи. Есть замечания?

Злобин охотно поддержал командира:

– Согласен, Глеб, все продумано. Осталось связать плот, я до каптенармуса дойду, выбью самую крепкую веревку, у него передо мной должок.

Коля Воробьев с готовностью вскочил:

– А я топорик позаимствую у Миньки, там за околицей у кладбища хорошие березки растут, прямые все как на подбор, обтесать – и плот готов.

Каждому нашлось дело, в том числе и капитану Шубину. Он еще раз проверил все снаряжение, пощелкал бойком пистолета, чтобы механизм работал плавно, встряхнул вещмешки, прислушиваясь, нет ли ненужного бряцания или звона. Малейший лишний звук может выдать разведчиков перед постовыми. Разведчик разложил в каждый мешок по ножу в ножнах, которые можно прикрепить на ремне. Когда придется снимать часовых, то это самый бесшумный способ – зажать фашисту рот и резануть по горлу отточенным лезвием. Гранаты, толочная шашка – самое простое вооружение, даже автоматов члены разведгруппы не берут, чтобы налегке пройти как можно большее расстояние.

Затем он опять уселся над картой, чтобы еще раз продумать план. Вылазка разведгруппы была спланирована только до поселка Ракитного, затем их возвращение через Ивню. Но если возникнет необходимость разведать участок побольше, то придется действовать не по этому плану и, скорее всего, углубиться в позиции противника, чтобы собрать больше сведений.

Оснащение группы не рассчитано на многодневный поход. Провизии у них практически с собой нет – сухари да банка тушенки на всех, маленький котелок. Тяжелый груз из

боезапасов, консервов помешает передвигаться быстро от одного населенного пункта к другому, на скудном пайке вполне можно продержаться пару суток. Углубляться они будут внутрь немецкой обороны километров на двадцать согласно первоначальному плану, не больше. Если повезет, то уже в Ракитном добудут нужные сведения, так как оборонительный рубеж немцы должны обустроить на расстоянии в пятнадцать-семнадцать километров от передовой. Надо ли двигаться дальше, будет понятно только на месте. Если рубеж готов, техника уже прибыла, то гитлеровцы начали сооружать вторую линию, вот только на базе какого именно поселка или деревни, вычислить можно за часы долгого наблюдения. Он проверил карту: так и есть, ветка железной дороги проходила в нескольких километрах от Ракитного, ближайшая станция в Ивне, куда ходил в школу Коля Воробьев, а значит, что, скорее всего, город может стать опорным пунктом, куда сейчас армия Гитлера стягивает силы. Размышления командира прервали его бойцы, которые оба вернулись с хорошими новостями – веревки и бревна готовы, осталось крепкой обвязкой превратить заготовки в небольшой прочный плотик. Разведчики собрали вещи, попрощались с хозяином своего временного жилища и направились на запад, в ту сторону, где тянулась передовая линия фронта.

Идти им было тяжело, все же каждый тащил с собой бревно чуть выше своего роста и вещмешок. Обливаясь потом, они через час добрались до передовой линии окопов, где расположилась советская пехота. Шубин легко спрыгнул в окоп и, пригнувшись, пробежал по узкому рву. Возле огневой точки, где пулеметчик, не отрываясь, следил за обстановкой, он попросил бойца:

– Уступи-ка местечко, надо посмотреть, чем там немцы заняты.

Тот оторвался от обзорной щели и охотно поделился наблюдениями:

– Молчат, второй день затишье. Готовят что-то, черти, всегда так, если тишина, то жди атаки.

Глеб вытянулся на маленькой ложбинке, прильнул к окулярам бинокля, навел резкость. Не фигурки часовых его интересовали, которые мелькали на расстоянии в нескольких километрах от границы советской территории, а пригорок на нейтральной полосе. Нейтральная земля – широкая полоса между двумя линиями окопов – приподнималась волнами, шла по небольшим холмам по левую руку от него. Там, между пригорками, струилась невидимая отсюда речушка Псел, которая через несколько километров ширилась, становилась глубже и превращалась в настоящую полноводную реку. На ее берегах по разные стороны советская власть отстроила новенькие совхозы, которые разрослись до поселков и деревень со правильными домами, школами, больницами, сельскими клубами. Широкие мосты соединяли населенные пункты, по ним в мирное время ездили грузовики с урожаем, пастухи перегоняли стада на другой берег в поисках сочных пастбищ, ребятишки бежали в школу. Но та мирная жизнь: мосты, города, крепкие деревенские хозяйства – осталась в прошлом. Сейчас на советской земле хозяйничали фашисты, они убивали местное население, разрушали все, что было построено советской властью. Часть переправ уже разрушена во время боев двух армий, что разведчикам сейчас на руку, значит, большая часть пути по водной артерии пройдет без постоянного ожидания быть обнаруженными каким-нибудь внимательным немецким часовым.

Ближайшая их цель на нейтралке – холм, который спускался вниз, рассыпаясь на мелкие складки. Он утыкался в устье речушки, откуда поток разрезал землю на два крутых обрыва и уходил на юг по территории противника. Отсюда начнется опасный путь их разведывательной группы.

Рядом гаркнул бодрый голос:

– Здравия желаю, товарищ капитан. Командир роты, лейтенант Зубцов. Помощь нужна, товарищи разведчики?

Не поворачиваясь, Шубин ответил:

– Вольно, лейтенант. – Он указал на холм, поросший густой зеленью, но без единого кустика или дерева. – Нам надо бы туда пробраться, как потемнее станет. Правда, есть одна сложность, по-пластунки не получится преодолеть даже такое небольшое расстояние. У нас с собой плот в три доски, бревна на себе тащить будем слишком долго, немецкая охрана нас успеет заметить и изрешетить.

Коренастый, обритый налысо лейтенант мысль разведчика понял быстро:

– Нужен отвлекающий маневр, товарищ капитан? Так это мы организуем, по правому флангу попускаем трассирующие пули, постреляем, чтобы все немцы туда сбежались. Час у вас будет, его хватит добраться с поклажей до холма. Выделю трех бойцов в помощь, по две боевые единицы на бревно.

– Спасибо, – поблагодарил Шубин. Он опустил бинокль, сполз на дно окопа и на несколько секунд закрыл глаза, радуясь прохладе. Надо беречь силы, пользоваться каждой возможностью передохнуть. Уже через полчаса, как только солнце исчезнет за горизонтом, а ночная темнота окутает полосу нейтральной земли, они выдвинутся прямо под прицелы врага. Рядом командир роты пехоты отдавал приказы, отправляя своих солдат на правый фланг квадрата, который они обороняли. Глеб выдохнул с облегчением, в прохладном окопе, где от земли тянуло сыростью, жар под гимнастеркой улегся. Пулеметчик, будто прочитав его мысли, молча, без слов, протянул фляжку, полную теплой воды. Капитан сделал несколько глотков и тепло поблагодарил:

– Спасибо, – разведчику было приятно от того, сколько людей готовы прийти друг другу на помощь, поделиться глотком воды, куском хлеба, и одновременно грустно от того, как страшно и неправильно, что через минуту этот добрый человек может погибнуть от немецкой пули.

По окопу разнесся протяжный крик лейтенанта:

– Первый взвод, оружие на изготовку. По вражеским позициям огонь на подавление. Пли!

Под грохот залпов Шубин выбрался из окопа и подполз к разведчикам из своей группы. Здесь уже лежали трое солдат из роты на передовой, которые пришли на помощь. Каждый из них готов был толкать во время движения бревно, в то время как второй человек впереди придерживал столб и задавал направление. Грохот выстрелов затих, после залпов советских стрелков ждали ответа немцев. Шубин скомандовал:

– Ну все, парни, двигаемся по нейтралке как можно быстрее к холму на левом фланге.

По его команде солдаты, как можно плотнее прижимаясь к земле, начали движение. Гимнастерки быстро пропитались потом, забились землей и травяным соком, но разведчики ни на секунду не останавливались, толкая вперед бревна, подтягивая вещмешки, и дальше снова – рывок, усилие, рывок. Они успели проползти почти половину нейтральной полосы, когда в ответ на атаку заговорили немецкие пулеметы. Пули зачирикали, выбивая щепки из деревянных накатанных крыш бруствера, советские ДТ¹ застрекотали в ответ. Мокрый до нательного белья Глеб прохрипел:

– Давай, ребята, поднажми. Еще четверть часа, и заглохнет перестрелка, надо успеть, пока немец на другом фланге.

Локти, колени заработали быстрее, они отталкивались с усилием, подтягивали бревна, и так каждый сантиметр короткого участка нейтральной полосы. Состоявшая из зеленой травы и невысоких кустов, она сейчас казалась нескончаемой. Наконец шустрой ящерицей командир группы первым взобрался на холм, случайная пуля чиркнула его по плечу. Разведчик сжал зубы, но не подал даже виду, что чувствует, как кровь выступает теплыми каплями на небольшой ране. Глеб перехватил первое бревно и толкнул его вниз по крутому склону холма. Белый ствол мягко скатился по траве и замер возле воды, второй и третий последовали за ним.

---

¹ ДТ – пулемет Дегтярева танковый.

Капитан прислушался – пальба отдавалась эхом по всей нейтральной полосе, раскаты становились все реже – перестрелка стихала, в условиях плохой видимости и немецкие, и советские стрелки не видели интереса продолжать перестрелку. Командир отряда разведчиковскомандовал помощникам:

– Спасибо, ребята, возвращайтесь на исходную, пока идет атака. – А своим приказал: – Вниз, быстрее!

И разведчики кубарем полетели к воде по крутому склону, придерживая свои вещи, хватаясь за траву, чтобы хотя бы немного замедлить падение. Вещмешки били по спине и бокам, камни пересчитывали ребра; Злобин, чтобы сдержать крик от боли в боках, мысленно проклял каменистый овражек.

Но вот почти у самой воды их встретили мягкие заросли, которые остановили их движение. Здесь уже можно не вжиматься в землю – от немцев их скрывает высокая стена оврага. В небольшом укрытии отряд мог переждать, пока темнота окутает все пространство вокруг, даст им возможность пуститься в дальнейший долгий путь по воде. Капитан Шубин планировал пробыть в укромном месте хотя бы полчаса до заката, неспешно осмотреть край немецкой территории. Как им спустить свой плот на воду и без лишних звуков двинуться в глубину территории – именно сейчас важно было просчитать каждую мелочь. Когда они начнут движение по реке, то уже назад дороги не будет. Только вперед, только в самую глубину немецкой обороны.

Не сговариваясь, разведчики ползком пробрались в кусты. Хотя им удалось найти безопасное местечко, откуда их не видят стрелки, но они продолжали напряженно осматривать местность вокруг – не блестит ли где немецкий автомат, не мелькнет ли где огонек сигареты. Но все было тихо. Шубин сказал напарникам:

– Пока немцы возвращаются на исходные, тащим бревна в кусты.

Он не произнес вслух, что надо торопиться, ловить момент затишья. И все же каждый в небольшой разведгруппе понимал, что действовать необходимо как можно быстрее, беречь каждую минуту, чтобы не ждать, когда скроется красное марево заката. Если переберутся со своей поклажей в заросли, то обвязать бревна веревками они могут под маскировкой около-речных зарослей – густые и пышные, они скроют своими листьями их подготовку к спуску на воду.

Глеб первым подал пример: он опустился на землю, вжался как можно сильнее в траву и по-пластунски двинулся к лежащему неподалеку березовому стволу. Вдвоем с Колей они дотолкали его до кустов, где Злобин тут же принялся накручивать толстую пеньку на белый ствол. Вторая ходка, третья: пальцы ныли от тяжести, которую им пришлось тащить, мокрая от пота гимнастерка липла к телу, в горле першило от земли, в рыхлую почву приходилось почти вжиматься лицом, но капитан был привычен к таким условиям, разведка всегда требует прежде всего огромного терпения. Хоть раскидистый кустарник и закрывает их передвижки, действовать приходилось очень осторожно. Командир отряда косился то и дело на Воробьева, проверяя реакцию парня, выдержит ли, не начнет ли злиться, нервничать из-за тяжелых условий. Уж лучше сейчас пускай произойдет этот взрыв, чем когда они отплывут от берега и окажутся в глубине немецкого тыла. Хотя, к его радости, Коля ничем не проявлял свое недовольство, наоборот, терпеливо и деловито выполнял задания. Он напрягал худосочное тело, чтобы сдвинуть тяжелые бревна, время от времени замирал и осторожно осматривался по сторонам, проверяя, не появились ли на краю спуска непрощенные гости, и, казалось, не замечал, как по лицу ручьем течет пот, размывая серую пыль, осевшую на коже. Лишь закушенная нижняя губа выдавала напряжение, которое испытывал хрупкий паренек. Злобин в это время сосредоточенно вязал хитроумный узел за узлом, накрепко приматывая стволы друг к другу. Сержант вытянул большую петлю, откуда торчал короткий серый хвост веревки, и предложил Коле:

– Давай тяни.

Парнишка дернул, и петля вдруг обернулась вокруг столбиков, застыв на конце тугой завязкой. Воробьев восхищенно потрогал крепкий узел, не понимая, как от одного движения березовые стволы превратились в крепкий плотик. Авдей прошептал:

– Морская система, на корабле научили, когда практику проходил после института, я тогда... – и вдруг осекся, замолчал от воспоминаний о мирной жизни, о жене, которые больно укололи прямо в сердце.

Его жена каждый день приходила к пристани и ждала прибытия корабля, специально надевала ярко-красный платок, чтобы он уже за сотни метров видел с палубы – его с нетерпением ждут домой. А теперь дом разрушен немецкой бомбой, нет ни жены, ни дочек, ни того красного платка, что служил влюбленному Авдею маяком.

Капитан Шубин прислушивался к тишине наверху, не доносятся ли с края оврага звуки шагов, выстрелы или немецкая речь. Все звуки стихли, дневные птицы уже замолчали, только где-то далеко ухнула сова. Солнце уже нырнуло за горизонт и утащило за собой красную мантию заката, серый воздух наливался все гуще и гуще чернильной темнотой, так что теперь ничего не было видно уже на расстоянии вытянутой руки. Луна и звезды то и дело прятались за облаками, лишь на короткие секунды показываясь в водной глади. Капитан без единого слова кивнул своей группе, жестом указал на блики в воде: «Пора, спускаем плот».

Они втроем вцепились в тяжелое сооружение, каждый со своей стороны, и вышли из кустов. По всему телу снова пошел жар, хотя теперь возле воды было прохладно. Но тепло шло по телу не от нагрузки, а из-за волнения – несколько шагов вниз к потоку были такими опасными, а они, беззащитные, вышли на открытое пространство, где любой немецкий снайпер мог заметить отряд и уничтожить его несколькими выстрелами.

Плотик без единого всплеска лег на воду и тут же поплыл. Авдей ловко запрыгнул первым, заранее заготовленным длинным суком, как веслом, замедлил движение их плавучего средства, чтобы и остальные взобрались на плот. Следом на плотик шагнул с берега длинноногий Воробьев, затем, перехватив фрагтовый веревочный конец, взобрался на медленно плывущий плотик Шубин. На маленьком пространстве почти не было места, разведчики теснились спина к спине. Злобин сноровисто управлялся суком, словно веслом, будто сплавлялся на плотках всю свою жизнь. Он направил плот поближе к берегу, где не так сильно отражались лунные блики, отражения лунных светил тонули в сени деревьев, не выдавая бесшумное движение отряда разведчиков. Тишина, бурление потока и еле слышные всплески сука в руках Злобина – черные тени на плоту плавно скользили по рукаву реки прямо в расположение врага.

Поток с каждой сотней метров становился все более быстрым, глубоким и широким, и плот с тремя бойцами стал раскачиваться. Река стремительно несла их в глубину оккупированной немцами территории. Шубин мысленно отсчитывал километры, прикидывая скорость движения их плавательного средства, чтобы не выскочить неожиданно у моста прямо под прицелы немецких караульных. Коля, как оказалось, тоже успевал следить за берегом. Когда силуэты деревьев на берегу стали гуще и превратились в сплошную черную линию от того, что плот несся по глубоководью уже на одной скорости, Коля тихо предупредил:

– Надо замедляться и двигаться к берегу, скоро первый мост у Ракитного, рядом со старой дорогой.

Шубин кивнул в ответ, сообразительный Авдей мгновенно отреагировал – принялся направлять плот осторожными гребками к правому берегу. Они планировали сойти на землю у старой переправы, по берегу протаскать под мостом сплетенные бревна, чтобы не выдать себя на воде, где было больше света от лунных бликов. Затем вернуться в поток и проплыть вдоль Ракитного, чтобы начать разведку с нового моста, который соединял населенный пункт с остальными деревушками и селами в окрестностях. Капитан решил проверить прежде всего самую крупную дорожную магистраль, по которой немцы могли гнать к строящемуся рубежу технику и личный состав.

Плот мягко замедлил движение, цепляясь за водоросли и растущий у берега ивняк. Злобин прошептал:

– Тут не пройдем, слишком болотистое место, надо поближе к центру.

Но капитан вдруг замотал головой, перехватил сук и вогнал его в илистое дно, останавливая движение плота. Разведчики замерли в удивлении, а командир вслушался в ночную тишину. Через шум потока он услышал странный звук, который не похож был ни на чириканье птиц, ни на крик ночного зверька. Глухой металлический стук. Мгновение, и стук повторился. И еще! Теперь и остальные успели его услышать. У Злобина вытянулось лицо, а Воробьев кивком указал на темноту впереди.

– По мосту передвигается техника, там мостки старые, расхлябанные, поэтому так стучит, – проговорил он, чувствуя, как внутри у него знакомые звуки мостков отдаются болью.

Старый мост хоть и стоял на крепких опорах, но путь через него был дальше, чем новый проезд к шоссе в город. Поэтому его забросили, перестали чинить хлябающие от возраста доски. Так старая переправа оказалась во власти поселковой ребятни, которая проводила на нем все погожие дни: рыбачила, играла в камешки, да каких только забав не видел старый мост. А вечером на мост полюбоваться отражением звезд в стремительном потоке приводили парни своих невест и подруг. Поэтому стук деревянных плашек отозвался болью в груди Коли. Тук-тук, больше нет на свете ни тех парней, ни тех девчат, а ребяташек, что облепляли мост гроздьями, уложили в общую могилу выстрелы фашистов. Хорошо, что в темноте никто не увидел, как заблестели его глаза от навернувшихся слез. Он – разведчик, он – участник важной операции, но как же трудно спрятать боль, которая рвет изнутри когтями.

Шубин приказал своим бойцам:

– К берегу! Плот привязываем и по зарослям будем пробираться на звук.

Разведчики принялись выполнять приказ. Пока они выбирались на сушу, камнями придавливали плот на мелководье, Глеб размышлял, как действовать дальше. Ночное движение говорило о том, что идет оперативное передислоцирование германских сил. Под защитой темноты, окружными дорогами немцы что-то срочно перевозят, а значит, этот груз важен для них. Он попал в точку, когда выбирал первый участок для разведки, здесь развернулась тайная магистраль для немецких сил. Осталось добраться до нее незамеченными, понять, куда двинется техника, а также пересчитать ее количество. Поэтому, перед тем как двинуться вперед, командир отряда распределил задачи между разведчиками:

– Воробьев, отвечаешь за наблюдение по правому флангу, Злобин – левый, сообщай о любом движении на том берегу. Выдвигаемся к мосту, идем след в след. Огонь не открывать ни в коем случае.

Разведчики по его приказу выстроились в линию и стали пробираться через ивняк. Их уши, глаза ловили каждое движение или звук на отлогих берегах. Идти было тяжело, под ногами чавкала сырая скользкая почва болотистого берега, который был залит водой из-за того, что речка разливалась по пологой пойме в ширину до небольшой заводи. Перед ней и сгорбился старый мостик, они слышали стук его расхлябанных старых досок еще до того, как увидели горбатый силуэт на фоне темных домов. Громыхали доски, урчали машины, голоса говорили на немецком громко, не скрываясь. Шубин решил – надо подниматься на склон и увидеть своими глазами, что происходит на переправе. Слышно, что техника идет потоком через мостик в Ракитное, а судя по звуку топоров, мост готовят к передвижению еще более тяжелых машин – делают переправу больше и прочнее за счет второго слоя наката. Пока темно, отряду надо пробраться в сам поселок, провести разведку уже имеющихся там сил: сосчитать технику, найти место ее расположения под маскировочными тентами, узнать количество личного состава. Он займется этим с Воробьевым, который знает расположение домов и улиц в родном месте. Злобина же можно оставить на наблюдении у моста, может, услышит что-то полезное в громких переговорах немцев между собой, а также пересчитает идущую через переправу технику. Так

они начнут действовать сразу с двух направлений и успеют за оставшиеся четыре часа до рассвета собрать важные сведения. А дальше по плану: как снова стемнеет, идти к Белой или назад на нейтральную полосу по берегу вверх против течения. Он на ухо объяснил задачу каждому из бойцов. Злобин кивнул и указал на редущую стену из тонких ветвистых ив:

– Дальше пробраться близко незамеченными уже никак по сухому нельзя. Поэтому я по воде. Вещмешок оставляю здесь. Вернусь, как начнет светать.

Сержант стянул сапоги, гимнастерку, штаны – засунул одежду поглубже в гущу веток у толстого ствола и зашлепал босыми ногами по воде. Воробьев тихо окликнул его:

– Товарищ сержант, стойте! – парнишка сорвал тугую дудку камыша и с хрустом обломал коричневый отросток. – Вот, держите, он внутри пустой, под водой сможете дышать.

Когда закончилась зеленая гладь из водорослей, Авдей набрал побольше воздуха и нырнул под воду, только короткий зеленый отросток чуть высывался между бурунами. Когда и он стал не виден в ночи, Глеб повернулся и бросил взгляд на верхнюю линию берега, поросшего тонкими ивами:

– Коля, давай соображай, как нам лучше пробраться в деревню. Не знаю пока, к какому участку, будем действовать уже на местности. Надо найти, куда немцы сгоняют технику. Там пересчитать все, отметить на схеме. Мы на верном пути и сможем предоставить в штаб карту рубежа немцев нового оборонительного рубежа.

Воробьев принялся размышлять вслух:

– Если сейчас поднимемся наверх, то окажемся почти сразу на центральной улице. От нее уже можно огородами пробраться в любом направлении, я проведу.

Шубин кивнул, центральная часть поселка ему и нужна, немцы бережливые и почему зря технику долбить по ухабам не будут, выберут самый гладкий участок для проезда. А по направлению идущего потока уже будет ясно, где конечная площадка маршрута.

Разведчики также оставили вещмешки у дерева, пристроили пару гранат на поясе и с оглядкой начали взбираться наверх. От дерева к дереву короткими перебежками они добрались до края зарослей. Здесь Шубин замер и прислушался. Впереди грохотали десятки машин, которые медленно двигались по дороге в глубину поселка, но их видно не было. Весь обзор перекрывала черная крестовина виселицы, на которой ветер раскачивал с десятков трупов. Шубин оглянулся на Колю, а тот застыл, не в силах отвести глаз от вытянутых тел на веревках. Шубин тронул его за плечо:

– Нам придется пробраться ближе и укрыться рядом с виселицей с трупами. Ты должен вытерпеть, Коля. Только там мы останемся незаметными.

Паренек уткнулся в землю лицом, все тело его содрогалось от неслышных рыданий. Родной дом, вся его жизнь чернела перед глазами выжженным пепелищем да горой трупов. Вот все, что оставили немцы от Ракитного, большого, нового села, где он вырос, начал взрослеть. В то время, когда Николай был в партизанском отряде, он слышал о зверствах фашистов в его родном поселке и все же оказался не готов увидеть все своими глазами. Вместо домов – руины, вместо соседей и друзей – гниющие трупы, сваленные в кучу, а на изуродованной до неузнаваемости земле хозяйничают немцы. Горе его было велико, не давало дышать, думать. Парень впился зубами в свой же кулак, чтобы хотя бы физическая боль отвлекла его от яростного желания встать в полный рост и броситься на фашистов, чтобы убивать их голыми руками, а не прятаться среди мертвецов!

Через несколько секунд Воробьев наконец поднял голову и кивнул – я готов. Глеб ползком двинулся к перекрестиям столбов. Рядом бесшумно двигался Коля Воробьев. Ничего не изменилось в его аккуратных и скупых движениях, также замирал юный разведчик на секунду каждые пять метров, чтобы прислушаться к голосам и звукам впереди, лишь лицо его окаменело. Он понимал, что сейчас не время для переживаний, изо всех сил старался держать себя в руках. Хотя это было сложно, ведь с каждым метром усиливался отвратительный запах гнию-

щей плоти. Трупы в петлях, гора мертвецов рядом с ними разлагались не первый день, отчего на несколько метров вокруг стоял тошнотворный смрад. Но выбора у разведчиков не было, сейчас пяточок с жертвами фашистов был спасением. Запах и ужасный вид тел, разваливающихся от жары на куски, пугал немцев, все проезжающие мимо старались даже не поворачивать голову в сторону ужасной картины. Солдаты и офицеры не решались задержать взгляд, вздрагивали при виде вытянувшихся тел и брезгливо зажимали носы, про себя ругая команду СС, которая, как обычно, устроила показательное массовое убийство, не заботясь о том, чтобы закопать трупы.

Шубин полз все медленнее, оставалось буквально десять метров до мертвых тел, и он понимал, что не сможет вплотную приблизиться к ним. Слишком ужасным было зрелище, от которого выворачивало внутренности, сознание туманилось, и ничего не было в голове, кроме одного – желания отомстить, броситься на толпу людей в немецкой форме и бить, раздирать их руками, убивать. Ведь среди повешенных были одни старики и дети, Шубину хватило одного взгляда, чтобы понять это. Капитан отвел взгляд и сосредоточился на площадке у моста, где фыркали машины. В свете фар Глебу было отлично видно, как несколько офицеров распределяли поток идущей техники в разные стороны. Грузовики с ящиками оставались рядом с переправой, из них солдаты уже начали выгружать груз с надписью «Minen», а другой поток с сотнями солдат, сидевших в кузовах под зелеными тентами, двинулся вдоль темных домов поселка. Рядом с мостом несколько человек орудовали топорами, обтесывая бревна, чтобы уложить их потом во второй слой на опоры моста. Шубин наклонился к уху Воробьева, хотя шум был такой, что можно было не бояться, что их услышат:

– Хотят усилить переправу для прохода тяжелой техники. Придется задержаться здесь, пока весь состав не прогонят. Ты считаешь ящики с минами, а я – грузовики с личным составом.

Колька молча кивнул в ответ, а сам то и дело косился на мертвых, ему все чудилось, что среди гниющих останков есть кто-то живой. От ветра шевелились волосы, раздувались обрывки одежды, и Коле казалось, что в куче притаился выживший ребенок, соседский мальчишка или девочка, с которыми он играл и бегал по полю вдоль реки три года назад. Он отгонял от себя эту мысль и снова надежда огоньком теплилась внутри: «Ведь ты так же когда-то выполз из общей могилы живой. А вдруг и здесь кто-нибудь выжил, и теперь ему нужна помощь. Надо спасти, доползти, помочь выбраться». И тут же скрепя сердце Коля с усилием воли отводил взгляд: даже если кто-то и выжил, он не сможет сейчас ему помочь, нарушить приказ командира группы, не выполнить боевое задание.

Неожиданно воздух разорвал оглушительный треск, марш грузовиков по мосту замедлил стремительный проезд группы мотоциклов, где на черных седлах восседали несколько десятков эсэсовцев. Прибывшие спешили на пяточке за мостом и один из группы предъявил документы, потом резко закрутил головой и ткнул пальцем в кучу мертвых тел. После его возмущенного восклицания один из рядовых кинулся с канистрой в руках к наваленным мертвецам и принялся щедро поливать их бензином. Шубин сразу сообразил – сейчас тела будут сжигать безо всякого захоронения, и в свете пламени разведчики рискуют быть обнаруженными. Он выждал, пока солдат обошел кучу, встал к ним спиной, резко дернул Воробьева за рукав – за мной. Пока немецкий рядовой выполнял приказ, поджигал спичку, они стремительно принялись перебираться чуть правее. Быстрее, быстрее! Земля вдруг пошла под уклон – ложбинка! Разведчики еле успели вжаться в небольшое углубление, как вспыхнул и загудел столб пламени. Свет от костра осветил все на несколько метров вокруг, воздух наполнил тошнотворный сладковатый запах горящих трупов. Шубин с облегчением выдохнул: за несколько секунд прямо на глазах у десятков фашистов им удалось скрыться. А Коля опустил лицо вниз, не в силах смотреть на горящую гору. От жара тела и одежда зашевелились, вздрагивая, словно

живые, и теперь он мучился от чувства вины, что не кинулся на помощь ребенку или старику, допустил его гибель в траурном костре.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.